

Памяти Юрия Дышленко

Русская школа - 1995
13. 19 сент. - 18

Не дожив до весны, в Нью-Йорке в возрасте 58 лет умер петербургский художник Юрий Иванович Дышленко. С конца 70-х он был одним из столпов течения, которое именуют то русским концептуализмом, то вторым русским авангардом.

Тем, кто не видел его картин, эти смутные определения ничего не скажут о Юрии Дышленко. Не поможет и знакомство с работами других «концептуалов». Дышленко не похож ни на кого.

На его картинах мы видим «мнимый мир» — нечто натюрмортоподобное, пейзажеобразное. «Предметы» что-то мучительно напоминают, отбрасывают тень, объемны, налицо перспектива. Частным случаем мнимого мира являются картины с фрагментами то ли уличных щитов, то ли журнальных объявлений, рекламирующих вещи, опознать которые не помогут даже оказавшиеся «в кадре» надписи. Наконец, каждая из картин как бы выдает себя за фрагмент (намеренно неловкий композиционно) более крупной работы.

Своей живописью Дышленко с начала 70-х предвосхищал то, что пришло лет через десять в виде компьютерной графики с ее задниками (backgrounds) и текстурами, т.е. кирпичиками окружающего мира для конструирования так называемой виртуальной реальности. А Юра четверть века работал именно с задниками и текстурами.

Он выделился уже с ранних подпольных выставок, с 60-х, ненамного позже таких нонконформистов предыдущего призыва, как Немухин, Рабин, Зверев, Краснопевцев, Мастеркова, Харитонов, Ситников. Тогда он работал еще в другом духе. Его «открывателем» (и верным другом) стал американский искусствовед и коллекционер Нортон Додж. Благодаря ему работы Дышленко стали участвовать в выставках на Западе.

С конца 70-х он примыкал к кругу художников двуязычного парижско-московского журнала «А—Я». О. Дышленко писали немало, но лучшей работой о нем остается появившаяся в «А—Я» еще в 1983 году (№5) статья В.Кривулина, подметившего, что стержень работ Дышленко — ностальгия по будущему. Сегодня надо добавить: со знаком минус. Но тогда еще никто не замечал, что все творчество Дышленко — по сути одна метакартина, отразившая ужас художника, не всегда осознанный, перед надвигающимся новым, совсем не мнимым грозным миром, все более дробным и отчужденным, все менее доступным обозрению и постижению, а может быть, перед руинами и свалками этого мира.

Теперь смерть подвела черту, метакартина закончена, став одной из блестящих вершин отечественного концептуализма. Конечно, ее составные никогда не будут собраны воедино, но в одном работах Дышленко повезло: в случайные руки попали немногие из них, а лучшие находятся в авторитетнейших собраниях современного русского искусства — у Нортон Доджа, Филис Кайнд, Фолькерта Клауке, Александра Сидорова.

Пуше всего на свете от ненавидел «совок» — правила игры, картину мира, словарь того строя-евнуха, что мучил великую страну три четверти века. Но художник не способен на чистую ненависть, это была ненависть-любовь. Юра не раз выигрывал пари на тему, кто больше помнит идиотских совковых маршей и стишков. Но когда возникла возможность пожить совсем другой жизнью в Америке (а было это еще в пору секретарей по идеологии, ленинских комнат, закрытых распределителей, хоть и на излете их времечка), он согласился. Думаю, сыграла роль и пережитая им личная трагедия.

Не прошу себе: пробыв в Нью-Йорке месяц, не решился навестить Юру. Я уже понял, что он не вернется, и боялся, что зрелище иного ателье, иная геометрия пространства, безнадежно иной вид из окон вытеснят из памяти более драгоценные образы: диковатый уют художественного чердака (седьмой этаж без лифта) с разложенными всюду этюдами размером с открытку, бледненькую и хрупкую как эльф Юрину дочку Тонечку, ступени к окну для выхода на крышу, нависающий слева купол церкви Св.Екатерины, веселый звон поворачивающихся с Кадетской линии трамваев, ущелье улицы Репина, самой узкой в Питере, внизу. Сколь многие из его друзей считали: располагая таким волшебным видом, нельзя всерьез переселиться в Куинс или Бруклин!

Не навещил. Зато для меня, как для многих, кто его любил, он так и останется безраздельно принадлежащим своему городу. Да, его не затронула петербургская тематика и мифология, его творчество космополитично, и все же он был петербургский художник, чуть ли не того самого, описанного Гоголем типа — «застенчивый, беспечный, любящий тихо свое искусство, пьющий чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате, скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегающий об излишнем», художник в городе, «где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно» и лучше которого нет и не будет в мире.

АЛЕКСАНДР ГОРЯНИН

Москва